И.И.МОЧАЛОВ

РЕПРЕССИРОВАННАЯ НАУКА: СТАНОВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА (1917-1922 Г.)

Репрессированная наука (шире и, может быть, точнее - репрессированная культура) - уникальный, не имеющий аналогов в мировой истории феномен. Вообще говоря, история знала немало репрессивных акций против деятелей науки и культуры, проявлявшихся в самых разных формах, от сравнительно мягких, либеральных, до жестких и жестоких, вплоть до физического уничтожения людей. Школьные примеры на сей счет достаточно хорошо известны. Однако, эти акции, при всей их возможной и реальной масштабности, оставались все же относительно локальными и никогда не разрастались до размеров подлинного национального бедствия, как это случилось у нас. Репрессированная наука именно как социальный феномен - как явление, охватившее собой не только отдельных ученых или их коллективы, а целые науки и научные направления и даже науку в целом (Большую науку) - исключительное "достояние" нашей отечественной истории.

Как мне представляется, в становление феномена репрессированной науки пятилетие, охватывающее период с осени 1917 по осень 1922 гг., сыграло определяющую роль, а в проекции на более или менее отдаленное будущее роль эта оказалась фатальной, по своему "судьбоносной". На этом начальном этапе становления феномена особое место занимал 1922-й год. Это был также своего рода кризисный год - "год великого перелома", в контексте репрессированной науки (да, вероятно, и не в этом только контексте) предвосхитивший своего знаменитого "собрата"... Думается, что именно в этот год произошло "знаменательное" историческое событие рождения феномена репрессированной науки.

И как ее, науки, палач и проклятье, родилось одновременно то социальное "нечто", без коего не могло бы быть и самого "феномена", но которому я пока затрудняюсь дать определение, - родился некий исторический и злобный, еще очень маленький, но полный жизненных сил, прожорливый уродец. Акушеры же высочайшей квалификации принимали роды, прославленные тенора пели младенцу песни и качали его колыбель...

В начале 1922 года журнал "Вестник литературы" поместил небольшую заметку писателя Н.Н.Русова. В ней говорилось: "Как-то осенью 1918 г. возвращались мы с покойным В.В.Розановым из Сергеева Посада в Москву. Сидели в темном и холодном вагоне. Жевали черный хлеб. Беседовали о русской философии. Перебирали разных авторов, разные сочинения. Ехали часа два с лишним и за всю дорогу удивлялись все больше и больше изобилию и многообразию русских сочинений по философии. Перед нами раскрывалось ее подспудное, однако замечательное богатство. Не оказалось, между прочим, ни одного иностранного мыслителя, о котором не существовало бы самостоятельного русского исследования, иногда даже нескольких. Как известно, сам Розанов начал с того, что написал огромное сочинение чисто философского содержания ("О понимании"), а затем переводил Аристотеля, следил за чужеземным влиянием в истории русской мысли, о чем у него есть большая статья, защищал Н.Н.Страхова, Н.Я.Данилевского и др. И у нас с ним тогда же возникла мысль: как было бы уместно и хорошо весь этот рассеянный материал привести в порядок, собрать воедино, подвести итог, и тогда самобытный и многоцветный облик русской философии сам обратит на себя удивленное внимание просвещенного человека. "Словарь русских мыслителей" был задуман нами совместно. В.В.Розанов загорелся этим планом. На самом деле, если составить простой список имен русских философов, одних только оригинальный мыслителей и самостоятельных исследователей, то сразу же станет очевидной громадная сила русской философии, которая хранит в своих недрах целый ряд гениальных творений. Один предварительный список по алфавиту (философия, право, социология, религия) заключает не одну сотню имен". Далее автор заметки сообщает читателю, что работа в этом направлении успешно продвигается: "Словарь" заключает в себе: биографии, автобиографии, статьи и библиографию, включая переводы с иностранного. Русским мыслителям всех направлений посвящается одна или несколько статей, сполна очерчивающих их физиономию и значение. К "Словарю" прилагается именной указатель иностранных философов с целью дать точные указания о том, что имеется на русском языке по иностранной философии. В настоящее время уже написаны очерки о многих писателях"[1].

Интересный замысел, не правда ли? Еще более отрадно, что работа над изданием, как будто, давно уже была завершена... Так где же он, "Словарь русских мыслителей?" - Увы, его нет, во всяком случае, в отечественных библиотеках его не ищите - не найдете (за "русское зарубежье", конечно, не ручаюсь...). Почему же "Словарь...", задуманный более семи десятилетий назад (и кем задуманный! - и можно себе представить, какие "силы" предполагалось при этом привлечь и какие были привлечены - умер Розанов,

[1] *Русов Н.Н. Словарь русских мыслителей. - Вестник литературы, 1922, №1(37), с. 17.*

но еще здравствовали и работали П.А.Флоренский, Н.А.Бердяев, Н.О.Лосский...), почему "Словарь..." так и не вышел в свет?

Для хотя бы приближенного ответа на вопрос, обратимся снова к началу 22-го, точнее, к двум периодическим изданиям, которые стали выходить в этом году.

Первое из них - ежемесячные философский и общественно-экономический журнал "Под знаменем марксизма" (ПЗМ), которому жизнь была суждена славная, сытая и долгая (более 21 года). Второе издание - вестник промышленно-экономического отдела Русского технического общества "Экономист", судьба которого сложилась не так сладко: просуществовав полгода, он скончался в младенчестве, будучи насильственно умерщвленным (вышло три номера).

Как догадался, видимо, читатель, это были не похожие друг на друга издания, и ужиться вместе в одном государстве им было никак невозможно: кто-то должен был погибнуть. ПЗМ скончаться никак не мог, ибо это был журнал, неуклонно проводивший пролетарскую линию борьбы с "буржуазной интеллигенцией", а государство и было как раз пролетарское (и значит, ПЗМ не только был "у себя дома", но в какой-то степени в этом доме исполнял ответственную роль "идеологического хозяина"). "Экономист" же, хоть никакой борьбы ни против кого и ни с кем не провозглашал, а, напротив, вполне миролюбиво и с чувством внутреннего удовлетворения констатировал, что в стране, обескровленной мировой и гражданской войнами, голодом, экономической разрухой, наконец-то, "разум восстанавливается в его правах", был уже при своем рождении фатально обречен на погибель, ибо, являясь порождением как раз той самой "буржуазной" (половинчатой, мятущейся, мягкотелой, бесхребетной и вообще слюнявой) интеллигенции, против которой и вели бескомпромиссную борьбу пролетарское государство и его идеологический столп и глашатай - ПЗМ - он был не у себя дома, а как-бы в "гостях", а если и дома, то в лучшем случае лишь на положениии "бедного родственника", которого, как известно, "хозяева" если и терпят, то только "из милости". Но терпение ведь ни у кого не беспредельно... "Экономист" должен был умереть - и он умер.

Что с того, что обильно публиковавшиеся в ПЗМ в 1922-м и следующие годы крикливо-бессодержательные "разносные" статьи, заметки и рецензии, как и схоластические словопрения на тему, например, о том, "нужна" ли пролетариату философия или "не нужна", давно уже никто не читает и читать не будет (разве что по нужде), а аналитические статьи и обзоры "Экономиста" и сейчас для нас интересны и актуальны, особенно в контексте нашей "перестройки". Все это, так сказать, "издержки", а история - что ж, она "все спишет".

В том же 22-м и ближайшие годы столь же насильственной смертью, как "Экономист", скончалась целая серия отечественных журналов гуманитарного профиля, а "Словарь русских мыслителей" был задушен в самом зародыше, так и не появившись на свет. Вполне отчетливо и реально проявились зловещие "ипостаси" упо-

минавшегося социального уродца, и появились столь же реальные первые его жертвы - вполне уже развитые симптомы феномена репрессированной науки: под взмахами "идейно-политической" секиры стали падать классическая русская философия, социология, экономическая теория... До естественных и технических наук, слава Богу, очередь как будто еще не дошла - но злые волны уже плещут и у их порога...

Таким образом, феномен репрессированной науки появился на свет и стал в дальнейшем бурно развиваться как следствие действия причин отнюдь не некоего возвышенного, "духовного" порядка, а причин вполне материальных, земных, можно сказать, физически ощутимых. Это и позволяет с практически астрономической точностью зафиксировать во времени и пространстве момент самого зачатия того злобного уродца, который "весомо, грубо, зримо" и концентрировал в себе тогда и в дальнейшем эти причины.

Ограничение свободы мысли пределами "дозволенного" властями, запрет на выход "неугодных" изданий, будь то статьи, книги, очерки и т.д., прекращение научной периодики и тому подобные акции в корне подрывают сами условия бытия науки, делают ее существование почти невозможным. Эти акции, чтобы стать реальными, должны быть подкреплены силой соответствующих звеньев государственного аппарата, а это, в свою очередь, предполагает их определенное, пусть минимальное (дело здесь вовсе не в количестве) юридическое обоснование и оправдание теми или иными законами, постановлениями, предписаниями. В нашем случае таким законом и стал принятый 27 октября (9 ноября) 1917 года в Петрограде Временным революционным комитетом и опубликованный газетами "Правда" и "Известия" Декрет о печати.

В Декрете отмечалось, что Временный революционный комитет был вынужден сразу после Октябрьского переворота "предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков". И далее говорилось: "Рабочее и Крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой (принципом свободы печати. - *И.М.*) фактически скрывается свобода для имущих классов, захватив в свои руки львиную долю всей прессы, не возбранено отравлять умы и вносить смуту в сознание народных масс. Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших орудий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно подавила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса". Заключительный абзац Декрета заслуживает того, чтобы быть выделенным особо: "Как только новый порядок упрочится, - всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону".

К Декрету прилагалось принятое постановлением СНК и подписанное В.И.Лениным Общее положение о печати. 1-й и 3-й пункты в нем - ключевые: "1) Закрытию подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно наказываемого характера; 3). Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни".

Начну с того, что ни одно из обращенных в будущее и публично провозглашенных в Декрете и Положении юридических обязательств властью так и не было выполнено. "Самого широкого и прогрессивного закона о печати", долженствовавшего "прекратить всякие административные на нее воздействия", "установить для нее полную свободу в пределах ответственности перед судом" (это из Декрета), мы так и не дождались; "особого указа", который "отменял" бы носившее "временный характер" Положение (это из самого Положения), так и не появилось.

Исходя из духа и буквы Декрета и Положения, можно предположить, что они не были отменены в ближайшие по окончании гражданской войны годы и новый закон о печати не был принят, так как власть считала, что в тот период "новый порядок" (следую опять по тексту этих актов) пока не "упрочился", и "нормальные условия общественной жизни" еще не наступили. Пусть так, хотя и здесь есть с чем поспорить - сама свободная пресса, особенно после того как в политической плоскости вопрос "кто кого?" уже решен, и есть ведь не что иное, как духовная сила созидания этих самых нормальных условий общественной жизни...

Что повергает, однако, в полнейшее замешательство, так это когда мы переходим к конкретному обоснованию крайних мер репрессий против печати; согласно Декрету и Положению, закрытию подлежали те органы прессы, который призывали к открытому сопротивлению или неповиновению власти, сеяли смуту путем клеветнического извращения фактов, призывали к преступным действиям. Однако, ни "Экономист", ни другие журналы и книги российской "буржуазной" интеллигенции, запрещенные в 1922-м и последующие годы, ни под одно из этих "деяний" никак не подпадали. И все-таки их закрытие конечно же, генетически связано с законодательными актами о печати 17-го года. Значит, что-то должно было произойти.

На мой взгляд, это "что-то" состояло в происшедшей подспудно и не сразу, но в 22-м году в господствующей официальной печати в полной мере уже проявившейся, подмене обвинений "буржуазно-интеллигентской" прессы в направленной против власти политической контрреволюции (что доказать, повторяю, было невозможно) - обвинениями в контрреволюции "идеологической", в систематической публикации материалов, враждебных "пролетарской идеологии", марксизму, материализму и т.д., а тем самым, дескать, враждебных и новому социально-политическому

строю. И хотя последний вывод не всегда делался в явном виде - он всегда был достаточно "прозрачен" (и, таким образом, в ином "качестве", мы вновь возвращались к "первоисточнику", к законам о печати 17-го года, из их "железных" объятий нам было никак не вырваться!).

Спрашивается, возможно ли было "такое" доказать? Ответ на это вопрос зависел от того, какая система социальных постулатов принималась в более или менее явном виде господствующей властью и ее идеологами в рассматриваемой нами сфере духовной жизни.

Возможны два варианта. Либо это была система со многими степенями свободы, допускающая плюрализм позиций и точек зрения, вплоть до прямо друг другу противоположных, допускающая инакомыслие и цивилизованную борьбу мнений, терпимость к иным мировоззренческим постулатам. Очевидно, что в такой системе результаты были весьма неоднозначны: что-то, наверное, можно было доказать, а что-то и нет. Но было бы вполне однозначно следующее - при любом исходе дискуссий любого накала и остроты это не влекло бы за собой никаких административных и политических репрессий против инакомыслящих и их печатных органов.

Но возможна была также и система принципиально иная - и она-то как раз, к несчастью, и возобладала: система с резко ограниченным числом степеней свободы, категорически запрещающая то, что разрешала первая система, и ориентированная в конечном счете, по удачному выражению Ч.Айтматова, на "идеологию узкоклассовой диктатуры"[2]. Ясно, что в такой системе спорящие стороны были заведомо неравноправны, а одна из них была "приговорена" еще до начала самого спора; другой же стороне "доказать" можно было все, что угодно, приписать оппоненту любую "контрреволюцию" и потрясение "устоев" с последующими отсюда вполне однозначными "оргвыводами"...

Любопытно проследить, как это делалось. Правда любопытно бывает лишь на первых порах, потом становится скучно. И приемы "полемики", и набор применявшихся при этом средств были стары как мир: искажение мысли оппонента, нарочитое ее "усечение", - вырывание из контекста и т.п., и, как итог, за недостатком аргументов, - навешивание (по другой терминологии, "приклеивание") "ужасных" идеологических ярлыков (чаще всего разных "измов"), от которых до политических обвинений, а затем и репрессивных акций остается уже только рукой подать.

Раскроем для начала нам уже знакомый №1-2 ПЗМ за 22-й год. Вот статья В.Ваганяна "Наши российские шпенглеристы", посвященная "разбору" сборника "Освальд Шпенглер и закат Европы" (М., 1922; авторы статей Н.А.Бердяев, Я.М.Букшпан, Ф.А.Степун, С.Л.Франк), и сравним ее (пока еще можно сравнивать, скоро такая возможность испарится) с почти одновременно появившимися и посвященным той же теме очеркам Питирима Сорокина "Начало ве-

[2] *Айтматов Чингиз. "Крылья свободны, а ноги еще не вышли из оков застоя". - Правда, 2 апреля 1989 г.*

ликой ревизии" (Вестник литературы, 1922, №2-3). Разница колоссальная. С одной стороны, поверхностный обзор-разнос, эпитеты вроде "болтливый Н.Бердяев", "изящные" пассажи ("юродство господ франков...") и т.п.; с другой - спокойный, выдержанный по форме и стилю, глубокий анализ, высвечивающий продуманную личностную точку зрения (каковой у В.Ваганяна попросту не оказывается).

На отрезке времени с марта по май 1922 года, по существу подхватывая и развивая далее взятую ПЗМ линию, к решительному и бескомпромиссному разносу ряда представителей нашей отечественной "буржуазной" интеллигенции гуманитарного профиля и их печатных изданий подключается не кто иной, как В.И.Ленин, и это обстоятельство, конечно же, сыграло немаловажную, а во многом и решающую роль в возникновении в нашей стране репрессированной науки как социального феномена. Обратимся к фактам.

5 марта 1922 года Ленин пересылает Н.П.Горбунову[3] упоминавшийся выше сборник "Освальд Шпенглер и закат Европы" с сопроводительной запиской следующего содержания: "Секретно. т.Горбунов! О прилагаемой книге я хотел поговорить с Уншлихтом[4]. По-моему, это похоже на "литературное прикрытие *белогвардейской организаций*" (выделено мною. - *И.М.*). Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет секретно, а книгу вернет"[5].

В направленной 5 марта Горбунову записке Ленина обращают на себя внимание следующие обстоятельства: во-первых, подчеркивается настойчиво секретность переписки и переговоров по цепочке: "Ленин-Горбунов-Уншлихт-Ленин"; главный участник предстоящих устных и письменных контактов - человек, занимающий крупный пост не где-нибудь, а в ВЧК-ГПУ (Уншлихт); в-третьих, некоторая неуверенность в общей оценке сборника: "по-моему, это похоже на ..." (последующие авторские кавычки как будто свидетельствуют о том же ...); в-четвертых, наряду с этим, безапелляционная (хотя и заковыченная) политическая оценка сборника, не оставляющая возможностей для иных толкований: "литературное прикрытие": чего? - не более, не менее как: "белогвардейской организации" (6).

Мне представляется, эти особенности ленинской записки могут быть объяснены тем (к попытке понять само это объяснение я вернусь в дальнейшем), что в феврале-марте 1922 года у Ленина созрел окончательно замысел серьезнейшим образом осадить и поставить, так сказать, на подобающее им место некоторых инакомыслящих из среды старой "буржуазной" интеллигенции, начав это

[3] *Горбунов Н.П. (1892-1938) - советский государственный деятель, видный ученый и организатор отечественной науки, с 1935 года академик и непременный секретарь АН СССР, член КПСС с 1917 г., секретарь Совнаркома и личный секретарь В.И.Ленина. Погиб в лагерях.*

[4] *Уншлихт И.С. (1879-1944) - советский государственный деятель, член КПСС с 1900 г., с 1921 г. заместитель председателя ВЧК-ГПУ.*

[5] *В.И.Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922 гг.). Изд.2-е, доп. - М., 1987. С.531.*

дело (благо, повод к этому представился) с "образованных мещан", "шпенглерят", как он их назовет несколько позднее в заметке, посвященной 10-летнему юбилею "Правды"[6] (заметка написана 2-го и опубликована в "Правде" 5-го мая 1922 г.). Вопрос состоял в том, как можно было это сделать, не предавая ни саму акцию, ни, тем более, ее подготовку широкой огласке и не возбуждая общественное мнение.

Не приходится поэтому удивляться тому, что по прошествии всего лишь недели, завершая 12-го марта статью "О значении воинствующего материализма", В.И.Ленин уже решается публично приподнять завесу над своим замыслом и весьма прозрачно намекает на то, в какой именно форме он представляет себе возможные репрессивные акции в отношении "образованных мещан", "шпенглерят" и т.п.) в статье они фигурируют под названием "современные "образованные" крепостники".

Свою статью в ПЗМ Ленин завершает буквально так: "Марксистскому журналу придется вести войну и против подобных (П.А.Сорокину. - *И.М.*) современных "образованных" крепостников. Вероятно, не малая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста. Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной "демократии". Там подобным крепостникам самое настоящее место. Научится, была бы охота учиться"[7].

* * *

Но кто же все-таки вызвал столь сильный гнев В.И.Ленина, вынудив его прибегнуть по адресу некоторых "остатков" нашей "буржуазной" интеллигенции к таким весьма "крепким" определениям, как сначала "дипломированные лакеи поповщины" - вслед за Иосифом Дицгеном, а затем уже вполне самостоятельно: "реакционеры", "растлители", "современные "образованные" крепостники", проще - "современные крепостники", и совсем просто - "крепостники"? Виновником (правда, не единственным, но главным) оказался все тот же "Экономист" (вот уж, действительно, ну прямо бельмо на глазу!).

Удивительно, но факт: квалификация Лениным журнала как "органа современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т.п."[8] основывалась только на

[6] *Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.45, с.174, 175.*

[7] *Там же, с.33, (выделено мною - И.М.).*

[8] *Там же, с.31.*

одной статье "некоего г. П.А.Сорокина "Влияние войны на состав населения...", а в этой статье только на одном (неполном и взятом из примечания) абзаце![9] При этом Ленин умалчивает, по сути, о главном - о том, что автор статьи, опираясь на статистические данные, предпринимает попытку вскрыть некоторые общие тенденции влияния войн (и революций) на отношения между полами и состав населения (и в этом видит прежде всего свою задачу); что же касается конкретного преломления этих проблем применительно к России и Петрограду, в частности, то, как известно, ими были весьма озабочены большевики и сам Ленин (что видно, например, из писем его к Инессе Арманд, воспоминаний Клары Цеткин). Во всяком случае, абзац этот никак не давал повода для причисления П.А.Сорокина и даже всего (!) Русского Технического Общества (в это трудно поверить, но это так) к разряду "крепостников, реакционеров, дипломированных лакеев поповщины" [10].

Недвусмысленная и более чем авторитарная поддержка Лениным разносной критики "буржуазной" интеллигенции, столь ретиво начатой ПЗМ, критики представителей "образованного общества", как пишет о них Ленин с ироническим пренебрежением[11], должна была сыграть, и на деле сыграла, роль сильнейшего стимула для продолжения "идеологического" избиения в печати (не только, конечно, в ПЗМ и не только в печати) отечественной интеллигенции, а затем и перерастания этой "критики" в прямые политические обвинения.

* * *

Возьмем для начала тот же ПЗМ за 22-й год (это и логично - ведь именно в этом журнале и была опубликована статья Ленина). Одни уже "выразительные" заголовки ряда статей и заметок говорят сами за себя и в особых комментариях не нуждаются; вот, например, такие: "Ученый мракобес", "Политический гороскоп ученого академика", "С крестом и богом против материализма", "Нострадамусы XX-го века", "Против атеизма - шарлатанство" и т.п. (ПЗМ, № 3, 4, 7-9). Объектам своей "критики", ученым-гуманитариям С.Л.Франку, Э.Л.Радлову, Н.ОЛосскому, Л.П.Карсавину, Л.Н.Шестову, Г.Г.Шпету и др. (не забыт и давно ушедший из жизни В.С.Соловьев), авторы (Ст.Кривцов, В.Ваганян, В.Невский, И Луппол) "выдают", к примеру, такие, не менее "выразительные", чем названия статей, оценки и эпитеты: "словеса лукавства", "невежество", "мошенничество", "шарлатанство", "лишены здравого смысла", "бессмысленные теории", "бред", "мистицизм", "мировоззрение первобытного дикаря", "хандру наводящая куча", "средневековое мракобесие", "дикий анахронизм",

[9] *Там же, с.32; Сорокин П.А. Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию. - Экономист, 1922, №1, с.83.*

[10] *Там же, с.32.*

[11] *Там же, с.24.*

"сомнамбулическое бессмысленное бормотание", "фокусничество", "средневековая схоластика"... Но это, так сказать, пулеметная дробь, а что в № 4, вслед за тяжелой артиллерией (№3) бьет также и артиллерия среднего калибра. Видный партийный деятель, мягко упрекая П.Б.Струве в "праздном языкоблудии", откровенно признается затем, что ему "приятно видеть врага уродом!"[12]

До сих пор речь шла о гуманитарной "буржуазной" интеллигенции. Но уже в №3 ПЗМ - том самом, в котором Ленин призывал к союзу коммунистов с естествоиспытателями, склоняющимися к материализму, - появляется нечто "новое" (его в №1-2 еще не было). Под пулеметный обстрел "критиков" начинают попадать также и естествоиспытатели. Пока это только еще академик В.М.Бехтерев и его "коллективная рефлексология"[13], но, как говорится, лиха беда - начало, - и уже в ближайших номерах ПЗМ в упор расстреливаются академики В.И.Вернадский и А.Е.Ферсман, почетный академик О.Д.Хвольсон, профессора Л.С.Берг и С.Я.Лившиц, снова Бехтерев; вниманием не обходится даже Н.А.Морозов (!), а заодно за "идеализм" и за "метафизику" прихватываются Альберт Эйнштейн и Артур Хааз... Даваемые при этом ученым-естественникам "характеристики" и проч. ничуть не уступают тем, которые адресовались гуманитариям: "сумбур царит в профессорской голове", "идеалистическая, эклектическая мешанина", "пустота и путаница", "профессор блуждает в трех соснах", "витализм", "идеализм чистейшей воды", "безнадежная метафизическая чепуха и мракобесие", "неовитализм", "буржуазная метафизика", "одурачивание", "кабалистика", "спиритизм" и т.д. (авторы ПЗМ - В.Невский, В.Полянский, А.А.Максимов, А.Тев). "Притянутые за волосы формулы и понятия", "елейный голос", "поднимает невообразимый шум" - таковы изящные пассажи в рецензии на известную работу П.А.Флоренского "Мнимости в геометрии"[14].

Вот так "создавался" редакцией ПЗМ "завещанный" Лениным союз марксистовсестествоиспытателями, склоняющимися к материализму.

"Буржуазная" наука переживает глубочайший кризис, она неуклонно приближается к своей гибели и уже начинает разлагаться и смердить, но, не желая умирать естественной смертью, она сама же становится на пути научного прогресса, превращается в реакционную силу - таков, пожалуй, философско-социологический лейтмотив статей и заметок двух, относительно более выдержанных и корректных по сравнению со своими коллегами, авторов ПЗМ - В.И.Невского и А.А.Максимова. "Современная буржуазная, не только философская, - пишет Невский, - но и вообще научная

[12] *Каменев Л. Об эволюции ругани (заметки). - Под знаменем марксизма, 1922, №4, с. 110,111.*

[13] *Невский В. Политический гороскоп ученого академика. - Под знаменем марксизма, 1922, №3.*

[14] *Тер-Оганесян А. Назад к Птолемею. - Под знаменем марксизма, 1922, №9-10, с.229.*

мысль переживает глубокий кризис, причем кризис этот, перелом знаменует не преддверие новых научных достижений, а, как нам кажется, бесповоротную и решительную гибель буржуазной науки. Когда мы пишем слово "наука", мы разумеем не физику, химию, математику и вообще естествознание[15] , а область так называемых гуманитарных дисциплин. Впрочем, даже область естествознания умирающая буржуазия пытается повернуть назад, стоит только вспомнить, например, знаменитую теорию относительности Эйнштейна и попытки на ней укрепить поколебленное здание идеализма или, например, Богдановские схемы, построенные на идеалистических основах Маха и Авенариуса (...). Последние выводы самого Эйнштейна насквозь идеалистичны, как это видно из его статьи об аксиомах геометрии (...). Кризис, переживаемый наукой, так же велик, как и тот кризис, который захватил самые основы буржуазного общества. Этот кризис буквально подтачивает все основы буржуазной науки; нет области, в которой бы буржуазная наука не бросалась не только у нас, в России, но и на Западе, назад, к самому чистейшему идеализму и даже теологии"[16]. Несколько позже, откликаясь на изданную в 1922 году брошюру В.И.Вернадского "Начало и вечность жизни", в которой, в частности, обосновывался ныне ставший классическим принцип геологической вечности жизни, Невский отмечал, что из этой "книжечки" читатель вынесет "сомнение, скептицизм, а то и полнейшее разочарование в тех теориях, которые старается привить авангард пролетариата широким трудящимся массам". Проводимый автором витализм "заставляет скатываться к идеализму чистейшей воды, а, стало быть, к душе, господу богу и к прочим китам самой безнадежной метафизической чепухи и мракобесия". И далее: "Ученые, подобные Вернадскому, пытаются воспользоваться коренной ломкой в науке, чтобы воскресить старые замогильные тени витализма, неовитализма и идеализма и подвести новый фундамент под разрушающееся здание буржуазной метафизики"[17]. А.А.Максимов: "В переживаемую нами эпоху развала капитализма и перехода власти к пролетариату (...) буржуазия в лице защищающих ее интересы ученых встала поперек прогресса, именно - прогресса науки"[18]. Несколько ранее ту **же** мысль проводит другой автор: "Что же касается нашей отечественной "науки", то она сама собственной рукой уничтожает свои завоевания (Берг, Ферсман, Вернадский и т.д.)"[19].

[15] *Каменев Л. Об эволюции ругани (Заметки) - Под знаменем марксизма. 1922. №4, с. 110, 111.*

[16] *Невский В. Нострадамусы XX-го века. - Под знаменем марксизма, 1922, №4, с. 97-99.*

[17] *Невский В. Реставрация идеализма и борьба с "новой" буржуазией. - Под знаменем марксизма, 1922, №7-8, с. 119-120, 122.*

[18] *Максимов А.А. Популярно-научная литература о принципе относительности. - Под знаменем марксизма, 1922, №7-8, с. 171.*

[19] *Тев А. О I Международном Конгрессе материалистов. - Под знаменем марксизма, 1922, №7-8, с. 165.*

Отступим теперь несколько назад и обратимся к концу марта 1922 года. 27-го, выступая с отчетом о политической деятельности XI съезду РКП (б), Ленин говорил, в связи с переходом к новой экономической политике, о вполне обоснованных надеждах сменовеховцев на буржуазное перерождение Советской власти, подчеркивая, что классовая борьба внутри страны обостряется[20]. На следующий день, 28-го марта, свою речь на съезде Л.Д.Троцкий заканчивает по-своему пророческими словами о том, что усиление внешней и внутренней опасности реставрации "может нас заставить применять меры террора более беспощадного, чем тот террор, который применялся в прошлую эпоху (т.е. в период гражданской войны, - И.М.) (...) мы сохраняем за собою возможность вернуть себе весь аппарат самообороны и военного коммунизма и ввести беспощадный террор!"[21]. В тот же день, выступая с заключительным словом, вскоре после речи Троцкого, Ленин говорит о диктатуре пролетариата как именно о "террористической власти"[22]. А 31-го марта (съезд еще продолжает работу) Ленин предпринимает попытку привести в действие механизм этой террористической власти против находящейся на государственной службе части советской интеллигенции (в которую затесалась, конечно же, и интеллигенция "буржуазная"). С грифом "с. (совершенно) секретно" он направляет наркому юстиции Д.И.Курскому письмо (копию - прокурору Республики Н.В.Крыленко), в котором, в частности пишет: "По-моему поручению бывшей МЧК было начато расследование по делу преступной халатности, волокиты и бездеятельности в Научно-техническом отделе и Комитете по делам изобретений. Результаты расследования были представлены в Мосревтрибунал, который вместо того, чтобы по существу рассмотреть это дело, выявить и наказать виновных (а что в этих учреждениях имеется достаточное количество ученых шалопаев, бездельников и прочей сволочи, - отмечалось не раз в печати, в статьях т.Сосновского и других) - чрезвычайно покровительственно отнесся к обвиняемым, судил без обвинителя и в конце концов признал недоказанным и всех виновных (! - *И.М.*) оправдал. (...) Прошу Вас лично ознакомиться с этим делом, сугубо внимательно к нему отнестись (...). Нужно в Ревтрибунале поставить политический процесс (с привлечением для печати т.Сосновского), который как следует перетряхнул бы это "научное" болото. Мосревтрибуналу за послабление и формальное бюрократическое отношение к делу предлагаю объявить строгий выговор"[23]. Имел ли какие-то последствия этот демарш Ленина, и если имел, то какие, - мне неизвестно. Но для рассматриваемого здесь вопроса это не столь существенно. Важно другое - документально зафиксированный факт административно-волевого давления первого лица в государстве, облаченного по сути неограниченной властью,

[20] *Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 года. - М..,1961. С.27-30.*

[21] *Там же, с. 13 (выделено мною. - И.М.).*

[22] *Там же, с. 147 (выделено мною. - И.М.).*

[23] *В.И.Ленин и ВЧК, с.535-536 (выделено мною. - И.М.).*

на судебные органы, стремление побудить их изменить однажды принятое решение.

Противоречит ли это понятию диктатуры пролетариата как именно террористической власти? - Никоим образом. В самом общем виде террор (от латинского terror - страх) можно определить как не опирающееся непосредственно на закон, внесудебное насильственное подавление политических противников в неопределенно широком диапазоне применяемых средств, - от запугивания до физического истребления (что находится или может находиться "между ними" - представляю воображение читателя). В этом террористическом ключе и выдержано известное ленинское определение диктатуры: "Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть"[24].

* * *

Происшедшее в середине - второй половине мая события были скрыты от глаз постороннего наблюдателя. Но стали они, по сути, решающими.

В.И.Ленин. Из письма наркому юстиции Д.И.Курскому 17 мая 1922 г.:

"Т.Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса. Набросок черновой, который, конечно, нуждается во всяческой отделке и переделке. Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть и оправдание* (выделено В.И.Лениным. - *И.М.*) террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого.

С коммунистическим приветом, Ленин"[25]

Из комментария к письму: "предложения В.И.Ленина были учтены при дальнейшей разработке раздела Уголовного кодекса "О контрреволюционных преступлениях". См. документ 669"[26].

Смотрим "документ 669":

"15 мая 1922 г. Вводный закон к Уголовному кодексу РСФСР (...)

**) Добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИКа (на срок или бессрочно).

[24] *Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т.41, с.383.*

[25] *В.И.Ленин и ВЧК, с.538-539 (выделено мною. - И.М.).*

[26] *Там же, с.539.*

***) Добавить: расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы.

т.Курский!

По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу) (...);

найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т.п.).

Прошу спешно вернуть с Вашим отзывом.

Ленин"[27].

Комментарий: "Документ был написан В.И.Лениным на проекте "Вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР", присланном ему народным комиссаром юстиции Д.И.Курским в связи с разработкой Наркомюстом Уголовного кодекса РСФСР и обсуждением его на III сессии ВЦИК IX созыва, проходившей 12-35 мая 1922 г."[28].

Сессия ВЦИК еще идет, террористические законы еще обсуждаются, но Ленин уже намечает, кто станет их первыми жертвами. Он не забыл этих гнуснейших "образованных крепостников", "дипломированных лакеев поповщины", "растлителей", - нет, не забыл.

В.И.Ленин. Из письма председателю ГПУ Ф.Э.Дзержинскому. 19 мая 1922 г.:

"т.Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.

Надо это подготовить тщательнее (...)

Обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, требуя письменных отзывов и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий (...)

Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ (...)

Питерский журнал "Экономист" (! - *И.М.*), изд. XI отдела Русского технического общества. Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В №3 (только третьем!!! это nota bene) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все - законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Все это ясные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих *"военных шпионов"* изловить и излавливать постоянно и систематически (выделено мною. - *И.М.*) и высылать за границу.

[27] *Там же, с.537-538.*

[28] *Там же, С.538.*

Прошу показать это секретно, не размножая, членам Политбюро, с возвратом Вам и мне, и сообщить мне их отзывы и Ваше заключение. Ленин"[29].

* * *

4-7 августа в Москве проходила Двенадцатая Всероссийская конференция РКП(б). В.И.Ленин по состоянию здоровья в работе конференции принять участие не смог. Однако одна из основных резолюций конференции - "Об антисоветских партиях и течениях" (принятой по докладу Г.Е.Зиновьева) - была выдержана вполне в духе ленинского доклада на недавнем съезде партии большевиков, и в этом смысле чего-то принципиально нового не содержала; но одновременно эта резолюция не могла не учитывать принятого майской сессией ВЦИК при ближайшем, как мы видели, участии Ленина нового Уголовного законодательства, и в этом отношении в ней обнаруживаются определенные "подвижки"... В какую именно сторону - догадаться нетрудно.

"Первый год существования Советской власти в условиях новой экономической политики, - говорилось в резолюции, - совпавшей с тягчайшим голодом, с усилением международной капиталистической реакции, с предъявлением Советскому государству грубо реставраторских требований и капиталистами и правительствами Антанты (Генуя, Гаага), подтолкнул на усиленную контрреволюционную работу не только меньшевиков и эсеров, но и политиканскую верхушку мнимо-беспартийной буржуазной интеллигенции (...). Антисоветские партии и течения еще не раздавлены. Они меняют тактику и, приспособляясь к новым условиям, стремятся, опираясь на европейскую капиталистическую реакцию, *обойти Советскую власть с тыла* (...) *Репрессии,* которые неизбежно не достигают цели, будучи направлены против поднимающегося класса (как, например, в свое время репрессии эсеров и меньшевиков против нас), диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоеванные у них пролетариатом, позиции. Однако партийные организации не должны переоценивать роли репрессий и должны твердо памятовать, что только в сочетании со всеми остальными вышеуказанными мерами (подъем работы научно-коммунистической мысли и советско-партийной журналистики, повышение политического уровня рядовых членов партии и т.п. - *И.М.*) репрессии будут достигать цели"[30].

Вот на такой мажорной ноте заканчивалась эта знаменательная резолюция.

Намеченные конференцией репрессивные акции против инакомыслящих стали приводиться в действие уже менее месяца спустя.

[29] *Там же, с.540.*

[30] *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2, 1917-1924. - М.,1970. С.391,393,395-396 (выделено мною. - И.М.).*

Некий Эрде писал 2 сентября в "Известиях": "Августовская партийная конференция указала на задачи, выдвигаемые опасностью буржуазной идеологии (См. резолюцию по докладу т. Зиновьева) (...). Советская власть не отказывается и от репрессивных мер по отношению к активным врагам Советской власти из среды мелкобуржуазных групп и мнимо беспартийной буржуазной интеллигенции, и *наиболее вредные* (! - *И.М.*) группы высылаются за границу, либо в северные губернии"[31]: что скрывалось за словосочетанием "северные губернии", догадаться нетрудно: это были, очевидно, места ссылок, а также концентрационные лагеря, среди которых пальму первенства ряд лет держал "трудовой", а точнее будет сказать, пыточный СЛОН - Соловецкий лагерь особого назначения.

Не случайно, конечно, определенно враждебную интеллигенции позицию заняла "Правда". Так, 1-го сентября она публикует подписанную инициалами злую заметку, направленную против "некоторых" отечественных ученых, дескать, только и заботящихся о своей "карьере"[32], а затем, уже в двух номерах газеты, выступает со статьей Л.Д.Троцкий. В ней мы вновь встречаемся с уже набившей оскомину изящной словесностью, вроде: "ретроградное тупоумие профессиональной интеллигенции", "эпидерма изысканнейшего индивидуализма", "мистические поиски", "учтивая вселенская тоска", "жирок буржуазного примирения" "шарлатанство бессильной фразы, книжное фланерство, духовное лакейство"... "Интеллигенция, - писал Л.Д.Троцкий, - и содержащий ее господствующий класс - сообщающиеся сосуды: закон равенства уровней применим и здесь (...) Против народа править действительно нельзя, а вот против эмигрантской интеллигенции можно, и даже с успехом, и причем совершенно независимо от того, о какой эмиграции идет речь - о внешней или внутренней (...). *Кто вне октябрьских перспектив, тот опустошен насквозь и безнадежно* (...) Эмигрантской литературы не существует"[33].

Статья Троцкого - лишь один, но отнюдь не единственный пример, свидетельствующий о том, что с лета и осени 22-го года антиинтеллигентская компания в нашей официозной печати теряет последние остатки видимости "идейной" полемики и превращается в заурядную политическую травлю. Волею судеб оказавшиеся у государственного руля некоторые интеллигенты "из народа" (было их большинство или меньшинство - не знаю), выражающие (якобы выражающие) интересы "восходящего класса", разжигая и подзуживая самих себя, начинают жаждать крови... Закономерный финал.

Осенью, в самый канун праздника Октябрьской революции, за рубеж насильственно высылаются философы, историки, литераторы, публицисты, социологи, экономисты Ю.И.Айхенвальд, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, Б.П.Вышеславцев, А.С.Изгоев, И.А.Ильин,

[31] *Эрде. Обзор внутреннего положения республики. - Известия, 2 сентября 1922 г. (выделено мною. - И.М.).*

[32] *Н.П. "Светочи науки". - Правда, 1 сентября 1922г.*

[33] *Троцкий Л. Внеоктябрьская литература. - Правда, 17-18 сентября 1922г. (выделено мною. - И.М.).*

Л.П.Карсавин, А.А.Кизеветтер, И.И.Лапшин, Н.ОЛосский, С.П.Мельгунов, В.Л.Мякотин, М.А.Осоргин, А.В.Пешехонов, П.А.Сорокин, Ф.А.Степун, С.Л.Франк и др.; биолог М.М.Новиков, математик (возможно был выслан несколько позже) Д.Ф.Селиванов и др.[34]

То, о чем ранее (1921) в "красочно" иллюстрированной "Азбуке красноармейца" говорилось в "пояснение" буквы "И":

"Ильич железною метлой
Сметает сволочь с мостовой"[35],

стало трагической реальностью.

* * *

Здесь мы вплотную подошли к необходимости ответить на уже витающий где-то "за кадром" вопрос о том, - как, каким образом, в каких понятиях можем и должны мы квалифицировать акции российских властей осени 1922 года, в своей совокупности приведших к возникновению феномена репрессированной науки и имевших для нее и для всей нашей страны в целом столь тяжелые последствия?

Лишь сравнительно недавно (по причинам, хорошо известным) стали предприниматься попытки дать оценку этим акциям. Так, Вадим Кожинов высылку за границу писателей и профессоров квалифицирует как "ошибочное решение"[36]. Такой же точки зрения, судя по всему, придерживается и Григорий Померанц[37].

В этом необходимо разобраться. Существенное свойство всякой ошибки состоит в том, что она может быть, а может и не произойти - в ней весьма велик, если не доминирует, элемент случайности. Ошибку мы осознаем уже после того, как она произошла, стала фактом. Ошибка носит непреднамеренный, непредвиденный характер, заранее она нами никак не "планируется". Сфера ее проявления очень широка: ошибаются не только люди - ошибаются животные, по-своему ошибаются даже сверхнадежные ЭВМ... Ошибку человека мы не только понимаем - рано или поздно, с большей или меньшей степенью легкости (это зависит от обстоятельств) мы ее человеку потом и прощаем. Ошибки - неизбежные спутники творческой деятельности людей во всех сферах жизни, в своей совокупности они - естественное и неустранимое свойство всякой развивающейся культуры.

Спросим теперь себя, можно ли эти сущностные черты ошибки и ошибок перенести на репрессивные акции советских властей 20-х

[34] *Этот эпизод начинает и в настоящее время достаточно подробно исследоваться. См., например: Костиков Вячеслав. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции, - М., 1990. С. 169-190.*

[35] *Двустишию предпослан рисунок: Ленин с метлой в руках сметает с мостовой буржуев, "буржуйских" интеллигентов и интеллигентиков и прочую "сволочь".*

[36] *Литературная газета, 22 марта 1989 г, с.2.*

[37] *Век XX и мир, 1989, №3, с.25.*

годов в отношении представителей нашей духовной культуры (ученых в том числе)? Очевидно, даже с очень большими натяжками - никак нельзя. Ибо акции эти носили вполне целенаправленный и заранее спланированный характер, были связаны с определенной концентрацией и организацией разнообразных идеологических, политических, юридических, технических средств и людских резервов (следователи, конвоиры, тюремщики и проч.), а в отношении российской культуры они являлись сознательно враждебными, ее разрушающими - и в этом своем качестве были именно такими, и только такими - и иными быть не могли. Следовательно, это были никакие не "ошибки", а самые что ни на есть акции государственного - "узаконенного" - терроризма, направленного против собственного народа и собственной культуры, политические преступления, а им (в отличие от ошибок) нет ни прощения, ни оправдания.

Данный вывод является тем более обоснованным, что направленные против отечественной интеллигенции террористические акции Советской власти (как и политика террора вообще) совершались отнюдь не в идейно-политическом и духовном вакууме, они подвергались резкой критике в печати со стороны таких видных представителей российской культуры, как А.М.Горький, В.Г.Короленко, П.А.Кропоткин, В.И.Вернадский ... Большевики никак не могли оставаться в "неведении" относительно того, что творили.

* * *

Здесь перед нами возникают вопросы, которых уже никак не избежать...

Как все-таки понять все происходившее - и происшедшее с нашей интеллигенцией, деятелями науки и культуры, на отрезке с осени 1917 по осень 1922 годов?

Как понять возникновение самого феномена репрессированной науки?

Как он, этот феномен, вообще стал возможен?

Последний вопрос, по-моему, существен в наибольшей степени, ибо он важен принципиально.

В самом деле, со школьной скамьи каждая клетка мозга людей нашего поколения (около 60-70-летнего возраста) буквально впитала в себя как нечто само собой разумеющееся, самоочевидное, не подлежащее ни малейшему сомнению то, что 1) марксизм-ленинизм в единстве всех своих составных частей - это научная теория, базирующаяся на данных науки и только на них; 2) сердцевина марксизма-ленинизма, учение о социализме - суть научный социализм, и в этом его принципиальное отличие от всех иных течений социалистической мысли - течений в той или иной степени ненаучных, утопических; 3) потому научная интеллигенция, люди науки, независимо от своих субъективных мировоззренческих, партийных, личностных и прочих симпатий и антипатий, объективно поскольку они, люди науки остаются учеными, "работают" на общественный

прогресс, а, значит, и на социалистическое, то есть доказанное научно, будущее человечества; 4) сами наши классики - Маркс, Энгельс, Ленин - это не только выдающиеся политические деятели, организаторы и руководители народных масс, но также и выдающиеся (по многим другим определениям - "гениальные") ученые; 5) и как вывод: для марксизма-ленинизма характерно не только высочайшее уважение к науке и ее творцам - для него в высшей степени характерны культ научного знания и культ человека науки как такового.

Как убедительно показывают опубликованные к настоящему времени многочисленные документы, воспоминания видных большевиков-соратников Ленина (В.Д.Бонч-Бруевича, А.В.Луначарского, Н.П.Горбунова и др.), свидетельства самих ученых, исследования советских историков, этот глубоко гуманистический культ науки непосредственно и в высшей степени благотворно отразился на политике партии и государства в отношении к науки и отечественным ученым уже в первые - не будем забывать, во всех отношениях труднейшие - годы Советской власти. Это - так, это - отраднейшие факты нашей отечественной истории, которыми мы можем гордиться и которыми мы по правде гордимся. Факты эти общеизвестны, и нет смысла их здесь повторять.

Так что же все-таки произошло, как стал возможен феномен репрессированной науки?

С моей точки зрения, в самом первом приближении это произошло в силу того, что благородный и в высшей степени гуманистический культ науки реально оказался перешибленным, задавленным культом качественно иного, противоположного рода, а именно: культом террористической власти - культом, охватившим к тому же не только "верхи", но и "низы" общества и принявшим массовый характер, в большинстве случаев - попросту характер некоей массовой психопатии.

Вообще, в стремлении к властвованию как таковом нет ничего изначально порочного или противоестественного, поскольку в нем выражается мера овладения человеком чем-либо (ситуацией, идеями, людьми, вещами, природными процессами, наконец, самим собой), а значит, и мера его свободы, и способности выразить, реализовать себя... "Добиться власти", - записывает в 1884 году в дневнике студент В.И.Вернадский, и действительно, вся последующая его жизнь - это постепенное, но неуклонное расширение сферы его "властвования", области его "владения", памятниками чего остались, в частности (но не исключительно), созданные его усилиями и усилиями возглавлявшихся им коллективов различные, действующие по настоящее время научные учреждения и школы.

Плохо, однако, когда это стремление к власти объективно (субъективно побуждения могут быть и самыми благими; превращаются в самоцель, а сама власть обожествляется, становится над человеком как нечто самодовлеющее, подминая его под себя. Тогда возникает культ власти. И совсем уже плохо, ибо грозит бедствиями неисчислимыми, когда последний вырождается в культ власти террористической... Властвовать ведь тоже можно по-разному. Власть -

это всегда сила, во всяком случае, ее проявление, но, как давно заметил Г.В.Плеханов, сила вовсе не тождественна насилию, скорее последнее нередко свидетельствует как раз об отсутствии первой. Тот же Вернадский, человек сильный по самому большому счету, по свидетельству его ученика академика А.П.Виноградова, всю жизнь свою "правил, не поднимая руки".

Бесспорно, демократическая альтернатива, исключающая не только культ террористической власти, но и саму эту террористическую власть как политическую реальность, если бы она, эта альтернатива, начиная с 1917 г., стала осуществляться в нашей стране, - и с вероятностью, практически равной единице, свела бы на нет саму возможность возникновения феномена репрессированной науки (и культуры). Естественно, что в реализации этой альтернативы по своему объективному положению в обществе, своим интересам и стремлениям были прежде всего заинтересованы люди науки и культуры.

Но этот их "эгоистический", условно говоря, интерес являлся в то же время также и интересом всеобщим, независимо от того, в какой степени и форме он в таком своем качестве реально осознавался (или не осознавался), был ли то рабочий, крестьянин, чиновник, гимназист, студент и т.д. Это всеобщий интерес из всеобще-регионального, локально-разделенного по отдельным странам и народам, каким он в основном оставался еще в недавнем прошлом, на рубеже XIX-XX веков явственно стал перерастать в интерес всеобще-планетарный, что явилось прямым следствием наступивших коренных качественных преобразований в бытии человечества и его культуры, в создании всемирно-целостного сообщества людей, антропосферы, в развитии науки и техники (революционизирующие старое мировоззрение научные открытия, становление техносферы и мирового научного сообщества, появление принципиально новых технических решений, открытие неизвестных ранее источников энергии, как атомная и т.д.). Все это в совокупности создавало реальные предпосылки эволюции биосферы в качественно новое состояние - ноосферу и, соответственно, эволюции антропосферы и техносферы во всепланетарную ноосферную цивилизацию. Тем самым общечеловеческие проблемы, не заменяя и не подменяя собой "старые" локальные, классовые, государственные и прочие проблемы, объективно выдвинулись на авансцену исторического прогресса, стали приоритетными.

Этими общечеловеческими, планетарными проблемами прониклись великие русские мыслители-космисты - философы, ученые, публицисты - и в наиболее адекватной форме, сохранившей свое значение вплоть до наших дней, выразили эти проблемы в своем творчестве.

И, к сожалению, в наименьшей степени сумели понять первостепенную значимость этих проблем наши "партийные" интеллигенты, пролетарские революционеры-большевики, оказавшиеся неспособными разглядеть их за узкоклассовым горизонтом своего мировоззрения, а, придя к власти, выславшие тех же космистов за рубеж, на Соловки, либо пустившие их на распыл...

Реализация демократической альтернативы развития нашей страны, с одной стороны, подъем в ней культурного (научного в том числе) творчества - с другой, представляли собой, очевидно, две взаимообусловливающие и взаимно друг друга стимулирующие части, стороны одного и того же, единого в своих основаниях процесса. И, напротив, диктаторская (не столь существенно какой - правой или левой - ориентации) альтернатива создавала вполне реальную возможность столь же взаимостимулирующегося подавления науки и культуры, с одной стороны, и усиления диктаторских начал - с другой.

У нас реализовалась эта вторая возможность. Не думаю, однако, что это было абсолютно неизбежно. Напротив. Как раз приход к власти в октябре 17-го года большевистской партии мог бы послужить мощнейшим политическим рычагом развития России именно по демократическому пути. Отвечая на вопрос о том, почему этого не произошло, легче всего "списать" все на различные объективные обстоятельства и трудности (как это часто и делается, когда хотят снять с себя ответственность). Объективные трудности и прочие обстоятельства, конечно, были, но, видимо, не они являлись главными. Основными стали скорее всего все-таки факты субъективного характера и ими обусловленные крупные политические просчеты (самым большим из них стал осуществленный буквально в "пожарной спешке" разгон Учредительного собрания).

Следуя здесь в основном (но не исключительно) за "Несвоевременными мыслями" Горького, среди сыгравших свою отрицательную роль субъективных факторов я назвал бы такие, как: упоение властью, культ насилия, нетерпимость к инакомыслию и оппозициям, догматизм и прямолинейность, иконоборчество, раскрестьянивание сельского труженика, "революционное" нетерпение, растворение в массе деклассированных элементов, слабое овладение отечественной наукой и культурой, мышление массовыми категориями и пренебрежительное отношение к личности и личностному началу в истории и культуре, недооценка общечеловеческих норм нравственности и нравственной сферы вообще, некритическое (мягко говоря) отношение к максиме: "цель оправдывает средства", элементы сектантства и "нечаевщины"...

Конечно, каждый из этих "факторов" в политике партии проявлял себя, и не мог проявлять иначе, как нечто статистически усредненное. И тем не менее, факторы эти существовали реально (не случайно ведь, помимо Горького, на них обращали внимание В.Г.Короленко, П.А.Кропоткин и др.), а существуя - воздействовали по-своему в различных ситуациях и на разных этапах развития на формирование общей политической линии правящей партии... Немалую роль сыграли они и в окончательном оформлении феномена репрессированной науки, и в создании того охранительно-карательного механизма, благодаря которому сам этот феномен потом жил, функционировал, жирел и наращивал мускулы...

* * *

Две ближайшие предпосылки обусловили этот процесс в 1917-1922 годах. Во-первых, общее развитие террористической власти (диктатуры пролетариата) по восходящей кривой и с частными приливами и отливами; во-вторых, непоследовательное, эклектично-противоречивое отношение большевистской партии и отдельных видных ее представителей к интеллигенции.

Обращусь ко второй предпосылке и начну, на мой взгляд, с главного, именно - констатации того факта, что в послереволюционный период по вопросу об отношении большевиков и их лидеров к интеллигенции "старой формации" в их среде не была выработана достаточно целостная, последовательная концепция, и их позиция являлась в общем довольно эклектичной и противоречивой, менявшейся в ту или иную сторону в зависимости от сложившейся конъюнктуры, "контекста", в котором рассматривался сам этот вопрос и даже, пожалуй, сугубо личных симпатий и антипатий. В целом же, борьбу между собой с переменным успехом вели две противоположные тенденции. Одна с той или иной степенью категоричности (и желания) признавала значение "спецов" - их опыта, знаний, навыков и проч. - в сознательном творчестве руководимых партией масс, в строительстве нового, социалистического общества; вторая тенденция, напротив, всячески подчеркивала ненадежность и временность этих "союзников" пролетариата, как следствия их органической привязанности к своим бывшим и настоящим "работодателям-капиталистам", выпячивая на первый план "буржуазную" по образу жизни и мыслей природу этой "старой" интеллигенции.

В нашей историографии, как правило, весьма полно раскрыто в конкретно-историческом контексте действие первой тенденции, и это, конечно, правильно и хорошо, это надо было сделать и показать - и это, в общем и целом, сделано и показано, Что же касается второй тенденции, то на нее очень часто закрывали глаза, как будто ее вовсе не существовало или она проявлялась лишь в виде общих деклараций или мелких частностей, отдельных "эксцессов", особого внимания исторической науки не заслуживающих. Тем самым, вольно или невольно, создавалась розовая, идиллически прикрашенная картина, искажавшая реальное положение вещей, и у читателя (вообще "потребителя" исторических трактатов) создавалась иллюзия "железно" последовательного отношения большевиков к "старой" интеллигенции, иллюзия существования у них некой целостной системы воззрений по этому вопросу, воплощавшейся в их столь же последовательных практических действиях на деле ничего подобного не было и быть не могло.

Возьму для начала бесспорно классическую для идеологии большевизма 20-х годов книгу Н.И.Бухарина "Экономика переходного периода", столь долго остававшуюся у нас тайной за семью печатями - и совершенно зря; так много раздумий об умонастроении и психологии творцов целой исторической эпохи она вызывает...

Обе упомянутые выше тенденции в этой книге выразились очень рельефно. С одной стороны на некоторых страницах своего

исследования Бухарин глубоко и тонко, с профессиональным знанием дела показывает исторически необходимую, творческую роль "старой" технической интеллигенции в становлении технического способа производства и новой системы хозяйствования.[38]

Но вот доходим мы до любопытнейшей X главы книги ("Внеэкономическое принуждение и переходный период" - так названа эта глава) и узнаем, в частности, кого же конкретно "господствующий пролетариат в первую фазу своего господства имеет против себя":

"1) паразитические слои (бывшие помещики, рантье всех видов, буржуа-предприниматели, имевшие мало отношения к производственному процессу, торговые капиталисты, спекулянты, биржевики, банкиры); 2) вербовавшуюся из тех же слоев непроизводительную административную аристократию (крупные бюрократы капиталистического государства, генералы, архиереи и проч.); 3) буржуазных предпринимателей-организаторов и директоров (организаторы трестов и синдикатов, "деляги" промышленного мира, крупнейшие инженеры, связанные непосредственно с капиталистическим миром изобретатели и проч.); 4) квалифицированную бюрократию - штатскую, военную и духовную; 5) *техническую интеллигенцию и интеллигенцию вообще* (инженеры, техники, агрономы, зоотехники, врачи, профессора, адвокаты, журналисты, учительство в своем большинстве и т.д.); 6) офицерство; 7) крупное зажиточное крестьянство; 8) среднюю, а отчасти и мелкую городскую буржуазию; 9) духовенство, даже неквалифицированное"[39].

Так под лучом "основного кристаллизационного пункта социально-революционной энергии - диктатуры пролетариата"[40] высвечиваются все основные "враги" рабочего класса. Отсюда ясен рецепт, в котором "диалектически" (то-бишь, эклектически) соединяются (и если бы только в теории!) обе тенденции отношения большевиков к "старой" интеллигенции: использовать - используй, но и о терроре не забывай! И эта эклектика - не случайность, она - естественное и неизбежное следствие "идеологии узкоклассовой диктатуры". Но от подобной идеологии - один шаг к оправданию тотального террора (и опять-таки, далеко не только в теории!) - террора уже не только против "чужаков", но и против "попутчиков-союзников", и даже против "своих"! На что не пойдешь во имя "светлого будущего"...

"По отношению к бывшим буржуазным группам, - так пишет далее Бухарин, - принуждение со стороны пролетарской диктатуры есть принуждение со стороны инородного класса, который ведет классовую борьбу с объектами своего принуждения; по отношению к некулацкой крестьянской массе принуждение со стороны пролетариата есть классовая борьба постольку, поскольку крестьянин есть собственник и спекулянт; оно есть его сплочение и трудовая органи-

[38] *Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Часть 1. Общая теория трансформационного процесса. - М.., 1920. С.64-69.*

[39] *Там же, с.140 (выделено мною. - И.М.)*

[40] *Там же, с.140.*

зация, его воспитание и вовлечение в коммунистическое строительство, поскольку крестьянин есть трудящийся, а не эксплуататор, противник капитализма; наконец, по отношению к самому пролетариату принуждение есть метод организации, устанавливаемый самим рабочим классом, т.е. метод принудительной, ускоренной самоорганизации"[41]. Вывод Бухарина:

"С более широкой точки зрения, т.е. с точки зрения большего по своей величине исторического масштаба, *пролетарское принуждение во всех своих формах,* начиная от *расстрелов* и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи"[42].

Вот он, "творческий марксизм" во всей его циничной наготе!

Заключительная фраза этого абзаца ("методом выработки коммунистического человечества..." и т.д.) подчеркнута Лениным, трижды отчеркнута на полях книги и снабжена восклицанием: "Именно!" "Вот эта глава превосходна!" - так оценивает ленин X главу книги Бухарина. В целом же книга - "великолепный труд", заключает Ленин...[43]

* * *

История отечественной интеллигенции 1917-1922 годов была вплетена в сложнейший, полный контрастов и противоречий контекст той исторической эпохи. В этом контексте, внутри него и происходило становление феномена репрессированной науки. Насколько все здесь сложно и неоднозначно, насколько позитивное переплелось с негативным, разрушительное - с созидательным, возвышенно-творческое - с невосполнимыми потерями, драмами и трагедиями - все это должны будут показать и, будем надеяться, покажут будущие исторические исследования.

[41] *Там же, с. 146.*

[42] *Там же, с. 146 (выделено мною. - И.М.).*

[43] *Ленинский сборник XI. - М., 1985. С.424, 429.*